

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ ДРОЗДОВ (Москва, Россия)

*УКРАИНИЗАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ
ЧЕРНОЗЕМЬЕ РСФСР В 1923-1928 гг.: К
ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В ГОДЫ НЭПа*

С чего началась украинизация в губерниях Центрального Черноземья, и как она проходила на начальном этапе в 1923-1925 годах? Пока в исторической литературе на этот вопрос нет ясного ответа. В данной статье мы попытаемся предложить свои ответы в свете новых документов, обнаруженных недавно в российских архивах.

Политика коренизации стала ответом большевистского руководства на вызов национально-освободительного движения первой четверти XX столетия. Так как в нем одна из ведущих ролей принадлежала украинским националистам, среди множества региональных форм реализации политики коренизации (татаризация, мордвинизация и т.д.) советская украинизация в УССР и в РСФСР занимала центральное место на всем протяжении 1920-х – начала 1930-х гг.

По мнению зарубежного украинского историка И. Лысяка-Рудницкого, “советский федерализм имеет явно этнический характер и является уступкой национальной природе СССР без какой-либо децентрализации политической власти”. А образование Украинской ССР есть “воплощение компромисса между украинским национализмом и русским централизмом – естественно, не в смысле формального соглашения, возникшего вследствие переговоров, а скорее как проявление фактического равновесия антагонистических общественных сил, ни одна из которых не была настолько сильна, чтобы утвердиться полностью.[. . .] Условия этого компромисса можно охарактеризовать так: Россия сохраняла политический контроль над Украиной и благодаря этому положение главной силы в Восточной Европе, Украина же сохраняла после крушения своих больших надежд статус нации (в котором ей отказывал царский режим) и символическое признание ее государственности в форме Украинской ССР”.¹

---

1. Иван Лысяк-Рудницкий, *Между историей и политикой*, под ред. Д. Фурмана, Я. Грицака (Москва, СПб: Летний Сад, 2007), с. 580-81.

Цель политики коренизации представляется нам амбивалентной: с одной стороны, она была нацелена на привлечение представителей местного (коренного) населения в органы государственной власти, а с другой стороны на “укоренение” советской власти в национальной среде, где зачастую она воспринималась, прежде всего, как власть русская. Не стоит забывать также и еще один фактор – внешне-политический. Успешное разрешение национального вопроса в СССР должно было привлечь к нему взоры угнетенных народов, как на Западе, так и на Востоке. Это прекрасно осознавали и лидеры большевиков. Выступая на IV совещании ЦК РКП(б) с национальными работниками Сталин назвал Украину вторым после Туркестана слабым пунктом советской власти. “Положение дел в смысле культуры, грамотности и т.д. здесь такое же, или почти такое же, как в Туркестане. Госаппарат так же мало близок к языку и быту народа, как в Туркестане. Между тем, Украина имеет такое же значение для народов Запада, как Туркестан для народов Востока.[. . .] Все эти обстоятельства должны быть учтены при работе по превращению Украины в образцовую республику. А превратить ее в образцовую, ввиду ее громадного значения для народов Запада – обязательно следует”.²

* * *

Национально-освободительное движение, разбуженное февральской революцией 1917 года, достигло наиболее впечатляющих результатов в деле национального строительства именно на Украине. Только за два постреволюционных года, сменяя друг друга, возникают на территории бывших малороссийских губерний царской России сначала Украинская Народная Республика, затем Украинская держава гетмана Скоропадского и, наконец, Украинская Советская Социалистическая Республика. Более того, именно факт существования украинских национальных государственных образований способствовал пробуждению и активизации украинского национального движения и на территории РСФСР, где проживало около 7 млн. человек украинского населения (Кубань, Центральное Черноземье, Поволжье, Западная Сибирь, Дальний Восток).

В 1918-1920 гг. на части этих территорий происходит первый опыт небольшевистской украинизации: в южных уездах Курской и Воронежской губерний, которые были присоединены к Украинской Державе гетмана П. П. Скоропадского, на территории Кубани

---

2. И. В. Сталин, *Сочинения*, 13 тт (Москва: Гос. Издат., 1946-1952), т. 5, с. 329-30.

в ходе деятельности Кубанской краевой рады и на Дальнем Востоке, где по инициативе Украинской Дальневосточной Краевой Рады были созданы украинские школы и была принята “Конституция национально-культурной автономии (самоуправления) украинцев на Дальнем Востоке”.

Параллельно с этим происходил процесс “признания” советской властью украинцев отдельной от русских национальностью (чего не было в царской России), со своим особым языком, бытом, традициями.

Не случайно, что на X съезде РКП(б) И. В. Сталин в своем заключительном слове по национальному вопросу заявил: “Здесь я имею записку о том, что мы, коммунисты будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, в виду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на их родном языке. Такие же речи раздавались пять лет тому назад об Украине, об украинской национальности. А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность – выдумка немцев, между тем, украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории”.³

В результате этого к началу 1920-х гг. украинцев, проживавших на территории РСФСР среди коренного русского населения, стали относить к категории национального меньшинства наравне с другими народами нерусского языка. А это, в свою очередь, означало, что в отношении украинского национального меньшинства предстояло проводить самую широкую культурно-просветительную работу на их родном языке. Другой важнейшей задачей партийно-советского руководства была полная советизация украинского села и вовлечение селянукраинцев в социалистическое строительство.

Однако главным препятствием на этом пути было то, что “ввиду прошлой политики царского режима украинская национальность не была признана, определялась названием ‘мазепинства’, ‘сепаратизма’, ‘самостийничества’ и прочее”, а вопрос о создании украинской школы являлся “новым и не всегда правильно понятым явлением революции”.

В одном из дел за 1922 год сохранились проекты циркулярных писем и распоряжений Совнацмена Наркомпроса РСФСР областным и губернским отделам народного образования по вопросам перевода обучения украинцев, проживающих на территории

---

3. Там же, с. 48-49.

РСФСР, на украинский язык. В одном из них говорилось: “Необходимость перехода на родной язык обучения в местностях, населенных национальными меньшинствами, (основной принцип советской власти в области соцвоса), встречает вследствие отрицательного отношения, непонимания и даже игнорирования местными органами НКПроса в своем развитии большие препятствия. [. . .] Культурно-просветительные стремления украинского населения считаются шовинизмом, сепаратизмом и пр. Ввиду вышеизложенного НКП считает себя обязанным указать областным и губернским отделам народного образования, в пределах которых живут украинцы (под названием хохлов, малороссов, казаков), на необходимость устранения отрицательного отношения к культурно-просветительным нуждам украинского населения и принять меры к созданию нормально-правильных условий работы”.⁴ В завершении документа говорилось о необходимости принятия мер по переводу обучения на украинский язык преподавания в школах I ступени (с господствующим украинским населением) в Кубано-Черноморской области, Ставропольской, Курской, Воронежской, Царицынской, Саратовской и Самарской губерниях.

В другом циркулярном распоряжении № 1562 от 23 ноября 1922 г. в адрес отделов народного образования Кубано-Черноморской области было замечено следующее: “По конституции РСФСР все народы, населяющие республику, имеют право на просвещение на родном языке, и между тем из докладов инструкторов как Оботнароба⁵, так и Наркомпроса явствует невнимательное и зачастую явно враждебное отношение как отдельных, так и местных органов просвещения к просветительным нуждам народов невеликорусского языка вообще, и украинцам в особенности. Некоторые заведующие отнаробами⁶ благодаря ложному пониманию идеи коммунистического просвещения чинят всевозможные препятствия и тормозят работу органов просвещения национальных меньшинств. Официальные выступления заведующих отнаробами и представителей отнаробов на съездах работников просвещения с заявлениями о второстепенности и ненужности подотделов нацмен, несуществовании украинской национальности в Кубано-Черноморской области, а также ненужности перехода в школах, обслуживающих невеликорусское население области, к преподаванию на родном языке, как это имело место в Ейске и Новороссийске, совершенно противоречат просветительной политике советской

---

4. ГА РФ, ф. А-296, оп. 1, д. 30, лл. 3-3об.

5. Областной отдел народного образования.

6. Отделы народного образования.

власти и делают работу органов просвещения нацмен невозможной”.⁷

Главными причинами перехода большевиков к активной поддержке с 1923 года политики украинизации в РСФСР являлись, во-первых, стремление перехватить инициативу из рук украинских националистов (“петлюровцев”), а во-вторых, необходимость поставить под жесткий партийно-идеологический контроль стихийную (“самостийную”) культурно-просветительную работу беспартийного учительства. Так, в отчете о деятельности Центрального украинского бюро Совнацмена Наркомпроса РСФСР за 1923-1924 гг. указывается: “Имеется целый ряд губерний и областей, где украинское население насчитывается сотнями тысяч, как например, Курская, Гомельская, Дальневосточная и др., но где до сего времени не приступлено ни к какой украинской советской работе. Мы подчеркиваем “советской” потому, что национальная работа ведется помимо государственных органов и принимает уродливые формы”.⁸ И, наконец, третьей важнейшей причиной было то, что украинизация, проводившаяся, главным образом, среди украинцев-селян, должна была способствовать советизации села, которое в первой половине 1920-х годов еще не было в полной мере таковым. “Украинское крестьянство Воронежской, Курской (губерний) и Кубани до сего времени не является вполне ‘советским’ вследствие того, что вся политико-просветительная работа ведется на русском языке, отчего создается недоверчивое отношение к работникам, на которых смотрят, как на чуждый, пришлый элемент, т.е. как на руссификаторов”.⁹

Государственная политика украинизации в Центральном Черноземье, которая проводилась на протяжении почти целого десятилетия (1923-1932 гг.), предстает перед нами как целостный общественно-политический и культурно-просветительный процесс, направленный на решение украинского вопроса. Нет сомнения, что украинизация в Центральном Черноземье была вызвана объективной потребностью в разрешении обострившихся русско-украинских противоречий, возникших на почве перспектив дальнейшего национально-культурного развития местного украинского населения. За годы революции и гражданской войны украинское национальное движение приняло широкий размах и вышло за рамки только лишь бывших малороссийских губерний, его влияние ощу-

---

7. Там же, л. 6.

8. Там же, д. 86, л. 1об.

9. Там же, д. 132, л. 5.

щалось на всех территориях России, где компактной массой проживали украинцы.

Суть украинского вопроса заключалась в том, чтобы признать украинцев и украинский язык реально существующими, чтобы предоставить им право на самостоятельное национально-культурное развитие наравне с русскими и русским языком. В условиях русских губерний Центрального Черноземья это означало, что местных украинцев следовало рассматривать как национальное меньшинство, в отношении которого необходимо проводить культурно-просветительную работу на его родном языке, т. е. на украинском. Поэтому главная задача заключалась в том, чтобы предоставить украинскому языку равные с русским языком права в использовании его в школе и культурно-просветительных учреждениях, государственных органах.

В связи с этим важнейшие мероприятия политики украинизации в Центральном Черноземье были направлены на то, чтобы обеспечить потребности украинского населения в школе на родном языке, подготовить учителей, свободно владеющих украинским языком, для массовой школы, ввести украинский язык в делопроизводство государственных учреждений, создать национальные украинские районы и т.д.

На совещании по украинскому и белорусскому вопросу, которое состоялось по инициативе Совнацмена НКПроса РСФСР в апреле 1925 г., зампреда Совнацмена И. Давыдов, говоря о том, что украинское население РСФСР начинает осознавать себя отдельной от русских национальностью, в качестве примера указал на поступающие из Воронежской губернии коллективные требования об организации украинских школ.¹⁰

В это время в адрес ВУЦИК и правительства УССР украинским населением губерний Центрального Черноземья были направлены сотни писем, в которых выражалась надежда на то, что уезды, в которых большинство населения составляют украинцы, перейдут в состав Советской Украины. Так, сельский корреспондент П. Самоорало из села Красного Валуйского уезда Воронежской губернии писал: “Ми всі кричимо і простягаємо свої мозолясті руки до рідної України”¹¹. А жители 2-го Краснянского района Николаевской волости Валуйского уезда, собравшись на сход 5 января 1925 г., постановили следующее: “Ніхто нас не запитував про бажання до

---

10. Там же, д. 97, л. 63.

11. В. Ложкін, “... Кричимо й простягаємо свої мозлясті руки до рідної України”. З історії встановлення кордонів України в 20-х роках XX століття”, *Пам'ятки України*, № 2 (1991), с. 15.

України чи до Московщини, а судьбу нашу вирішували о прилученні до України русаки різних руських губерній, котрі скрізь служать по учреждениях і вони стараються, щоб к Московщині приєднатися і так вирішили. Ми, громадяни, просимо . . . о визволенні нас від Московщини і прилученні до рідної матері-України . . . Хай наши діти будуть вільними українцями. Хай вони розвиваються на своїй рідній мові”.¹²

Украинизация в губерниях Центрального Черноземья предполагала, во-первых, изучение и применение в повседневной жизни, в школе и на государственной службе украинского языка. Отсюда, организация специальных курсов по изучению украинского языка: для учителей, чтобы иметь возможность преподавать его в образовательных учреждениях, для советских и партийных служащих, чтобы вести делопроизводство на украинском языке в сельсовете, райисполкоме и т.д. И, во-вторых, привлечение самих украинских кадров в органы местного управления, суда и культпросветучреждений, т.е. увеличение процента украинцев по сравнению с великороссами. Такие широкомасштабные мероприятия можно было успешно проводить только при помощи государства и партийно-административного ресурса, директивного руководства этими процессами. Стихийная народная украинизация школы, имевшая место быть в начале 1920-х годов, не имела никаких шансов на успех. Поэтому мы и говорим именно о государственной политике украинизации в эти годы.

Украинизация – одна из региональных форм коренизации – была советским методом реализации национального-культурного строительства среди украинского национального меньшинства РСФСР. Государственная политика украинизации позволила поставить под партийно-государственный контроль стихийную украинизацию в РСФСР. Вместе с тем она демонстрировала положительное решение национального вопроса в СССР и должна была убеждать тех украинцев, которые проживали за пределами Союза, что только в Советском Союзе они могут реализовать свои национальные устремления. Что же касается украинского населения Центрального Черноземья, то государственная политика украинизации позволила реализовать ему свои общественно-политические и культурные потребности в рамках советского и национально-культурного строительства.

Весной 1925 года заведующий Центральным украинским бюро Совнацмена Наркомпроса РСФСР Шафран находился с инспекторской проверкой в Воронежской губернии. В своем докладе он от-

---

12. Там же, с. 15.

метил отсутствие национальной розни между украинцами и великороссами в Воронежской губернии: шовинистических тенденций нет, националистических обществ тоже. Но все же, замечает последний, если нет насильственной русификации, то есть русификация по привычке, по старине.¹³

Работа по украинизации культурно-просветительных учреждений, прежде всего, по переводу школ I-й ступени на украинский язык обучения, началась в губерниях Центрального Черноземья уже с конца 1922 – начала 1923 года.

В начале 1923 года, к моменту подготовки I-го Всероссийского съезда заведующих Губсовнацменами, ситуация с просвещением украинского нацменьшинства в Воронежской и Курской губерниях Центрального Черноземья складывалась следующим образом. В Воронеже существовало губернское бюро по просвещению нацменьшинств, организованное при ГубОНО 1 сентября 1922 года. (До этого с 25 января по апрель 1922 года, до своей реорганизации, работу по просвещению украинского населения вело украинское бюро при ГубОНО). В его ведении находилось: 9 украинских школ I ступени, 4 украинских детских дома и 4 украинских “Просвиты”. (Кроме того, существовали еще еврейская и немецкая школы I ступени и 1 еврейский детский дом, а всего 20 нацмену учреждений).¹⁴ По информации Воронежского бюро нацмен, в Воронежской губернии проживает около 1100000 украинцев в южных уездах. В связи с этим бюро нацмен были разосланы уездным отделам народного образования циркуляры с просьбой произвести анкетирование среди учителей, которые могли бы приступить к занятиям на украинском языке и указать те населенные пункты, в школах которых система образования должна строиться на родном языке. “К сожалению, от УОНО не поступало никаких анкет, ни сообщений об учителях-украинцах, а Валуйский ОНО ответил, что таковых в уезде нет, и только Острогожский ОНО прислал сообщение, что два учителя изъявили желание вести обучение на украинском языке”.¹⁵

Следует также отметить тот немаловажный факт, что все 9 украинских школ I ступени, 4 детских дома и 3 “Просвиты” были организованы только в октябре именно в Острогожском уезде после двухнедельной командировки туда заведующего бюро нацмен С. Пономарева. В докладе о деятельности Воронежского бюро нацмен, который датируется январем 1923 года, Пономарев сообщал,

---

13. ГА РФ, А-296, оп. 1, д. 94, л. 18.

14. Там же, л. 53, лл. 75-75 об.

15. Там же, л. 74 об.

что пребывание в Острогожском уезде дало убеждение, что дело национального образования необходимо сельскому населению, которое совершенно не обрусело и с большим трудом постигает учение на русском языке. Вместе с тем, он вынужден был признать, что “местные ОНО отнеслись совершенно индифферентно к предложению Бюро нацмен вести работу по украинскому просвещению”, а в Острогожском ОНО инспектор вообще не знал, что необходимо произвести учет учителей-украинцев и приступить к работе по просвещению украинцев на родном языке.¹⁶

В это же время, как сообщал председатель Курского Губсовнацме-на Гордиенко, возглавлявший эту должность с мая 1922 года, в Курской губернии на 8 южных уездах с украинским населением не менее 600000 человек имелось всего 4 украинских школы I ступени и одно культурно-просветительное товарищество “Проминь” в г. Мирополье Суджанского уезда, объединявшее до 100 человек. На госснабжении находились 2 больших украинских школы I ступени в сл. Пенянки Миропольской волости Суджанского уезда на 160 и 95 учащихся при 5 преподавателях и небольшая украинская школа – 12 учащихся и 1 преподаватель – в самом Курске. Кроме того, 1 украинская школа в г. Белгороде, где обучалось свыше 70 человек при 3 преподавателях, содержалась за счет средств Белгородского участкового комитета профсоюза железнодорожников (учкпрофсожа).¹⁷

По мнению председателя Курского Губсовнацмена, “для урегулирования положения национальных учреждений в Курской губернии нужны твердые категорические указания центра (Наркомпроса) в порядке предписаний ГубОНО об украинизации школ в местах с преобладающим или даже значительным украинским населением и ассигнование специальных на этот предмет кредитов, при обязательном условии расхода их по назначению”. Одновременно было указано на необходимость “внедрения в сознание нацменьшинств уверенности в том, что украинские школы дают все права общегосударственных школ, необходимо законодательное положение по этому предмету с широким его опубликованием среди украинского населения и всемерная поддержка со стороны республики и национальных культурно-политическо-просветительных организаций и учреждений, дабы украинское население не смотрело на проявляемые в настоящее время заботы правительства, как на временного характера меры, что наблюдается в настоящее время”.¹⁸

---

16. Там же, л. 74 об.

17. Там же, л. 62.

18. Там же, л. 62 об.

Таким образом, накануне XII съезда РКП(б), который определил важнейшие направления политики коренизации, в губерниях Центрального Черноземья, в которых проживало по разным подсчетам от 1,5 до 2 млн. украинцев, имелось в лучшем случае всего 13 украинских школ I ступени, 4 детских дома и 5 культурно-просветительных объединений (“Просвит”). Вместе с тем на повестку дня перед местным руководством выдвигалась, в качестве одной из первоочередных задач, работа с украинским нацменьшинством, как по партийно-советской линии, так и по линии культурно-просветительной.

Новый толчок работе по украинизации школ в Воронежской губернии был дан после того, как вопрос о просвещении нацменьшинств активно обсуждался на 3-м губернском съезде заведующих УОНО и уездных инспекторов в августе 1923 года.

О первых шагах советской украинизации в деле школьного образования в Воронежской губернии можно узнать из выступлений участников I-й конференции учителей украинских школ в РСФСР, которая состоялась в Москве 30 марта 1924 года. Так, учительница Россошанской школы Вишневская сообщала следующее: “В школе 2-й ступени в Россоши введено преподавание украинского языка с апреля 1923 года. Учебников и литературы нет. Местные органы власти не сочувственно относятся к школе на родном языке. УОНО не имеет постоянного работника-украинца, который бы мог руководить работой школ и культучреждений в уезде. Совершенно не ощущается украинский работник при ГубОНО. Руководства и информации из ГубОНО к УОНО совершенно отсутствуют. Политическая работа среди украинцев ведется очень незначительная. Много сел с украинским населением желают иметь школу на родном языке, но их требования не удовлетворяются”.¹⁹ Учительница Шекаловской украинской школы Россошанского уезда Бойко поведала о том, что в УОНО нет украинского работника, который бы руководил школьным делом, а поэтому приходится вести работу по своей инициативе. За все время существования украинской школы 1-й ступени никто из работников УОНО не посетил школы, учебников в школе недостаточно.²⁰

Схожая картина была и в соседнем Валуйском уезде. Учительница Уразовской школы 1-й ступени Шарова говорила в своем выступлении о том, что местная власть почти не интересуется украинской школой, более того, заведующий школой выступает против обучения на украинском языке и вообще вредит нормаль-

---

19. Там же, д. 75, л. 3 об.

20. Там же, л. 3 об.

ной школьной работе. Вместе с тем местные крестьяне интересуются школой и помогают ей. Из-за отсутствия украинского инспектора в уездном отделе народного образования в школе не имеется никаких руководящих директив по ведению украинской работы, хотя в уезде существует уже несколько украинских школ. “Инспектор УОНО, во время пребывания в Уразово, отказался зайти в школу, мотивируя отказ тем, что он ничего не понимает в украинской школе. Политико-просветительная работа среди украинского населения ведется очень слабо”.²¹

Несколько лучше была ситуация в г. Калаче Богучарского уезда, где в Калачеевской школе 1-й ступени обучение на украинском языке в первой группе стали вести с 1923 года. Здесь, по словам учительницы Петровой, население к школе относится хорошо, а при УОНО имеется инспектор-украинец. В г. Калаче создан украинский кружок.²²

Довольно любопытную характеристику о работе первых украинских школ в Россосанском уезде и отношении к ним со стороны местных властей можно обнаружить в письме учителя В. Н. Кравченко в адрес заведующего центральным украинским бюро Совнацмена П. С. Шафрана. В своем письме Кравченко пишет о том, что является учителем украинской школы 1 ступени в сл. Ольховатке. По его словам, “украинизация школы вызвана была сильным желанием иметь украинскую школу самим населением”. Школа имеет первые две группы и насчитывает 70 учащихся. Однако, как и все другие украинизированные школы, она оказалась без учебников и учебных пособий. “В пособиях школа терпит большой недостаток. Имеются для первых групп только буквари и первая книга после букваря. Правда, имеются еще задачки и грамматики, но в очень ограниченном количестве. Литературы для чтения нет никакой”,²³ – пишет в своем письме Кравченко.

Как сообщалось в докладе Валуйского уездного исполнительного комитета о работе по украинизации в уезде, украинизация школ 1 ступени в Валуйском уезде впервые была начата в 1924 году, когда в виде опыта была открыта одна школа в Никитовской волости.²⁴

К лету 1925 года в Воронежской губернии насчитывалось по разным данным от 27 до 33 украинских школ 1 ступени в Россосанском, Богучарском, Валуйском и Острогожском уездах. В них обу-

---

21. Там же, лл. 4-4 об.

22. Там же, л. 4 об.

23. Там же, д. 106, л. 42.

24. Там же, ф. Р-1235, оп. 122, д. 55, л. 158.

чалось, по одним данным, 3242 учащихся и работали 52 учителя, а по другим данным – 1651 учащийся и 49 учителей, что составляло соответственно 3% или 2,5% от всего состава учащихся украинцев этих уездов.²⁵

Анализируя эффективность руководства со стороны местных органов Совнацмена в деле просвещения украинского населения, Шафран отмечает отсутствие такового: за первую половину 1924/25 учебного года уполномоченный по просвещению нацмен Воронежской губернии, который по совместительству является еще заведующим Губсоцвосом, не только не посетил ни одного нацменовского учреждения, но на места не было направлено ни одного циркуляра или распоряжения по линии нацмен. “Учреждения нацмен общей инспектурой почти не обслуживаются. По крайней мере, в этом учебном году не обследовалось ни одно учреждение. Работники ГубОНО почти все владеют украинским языком, но пользы от этого слишком мало”.²⁶

По словам Шафрана, производственный план по линии обслуживания нацменьшинств в ГубОНО имеется, но он существует только лишь на бумаге. “Если мы обратимся к производственному плану и посмотрим, что же выполнено из намеченного, окажется ничего”: уполномоченные по просвещению нацмен в 4-х уездах не выделены, существующая сеть украинских школ 1 ступени колеблется, расширения ее не произошло, из 12 школ 2 ступени в этих уездах преподавание украиноведения ведется только лишь в одной школе (в прошлом году велось в двух школах), из 3-х педтехникумов только лишь в одном Богучарском и т.п.²⁷

Хотя ликвидация неграмотности среди украинского населения и ведется на украинском языке, в официально утвержденной сети ГубОНО нет ни одного украинского ликпункта. Как отмечал в своем докладе Шафран, на совещании, устроенном агитпропом Россосанского уездного комитета партии по вопросу просветительной работы среди нацменьшинств, один из сотрудников уездного отдела народного образования заявил: “Можно допустить перевод некоторых школ в виде опыта, но никак нельзя допустить вести политпросветительную работу со взрослым населением на украинском языке”, “нельзя перестраивать уже налаженный аппарат”.²⁸

Шафран указывает в своем докладе на тот неутешительный факт, что до сих пор в губернии нет “твердой нацменовской сети,

---

25. Там же, ф. А-296, оп. 1, д. 94, л. 10; ф. Р-1235, оп. 120, д. 36, л. 67.

26. Там же, ф. А-296, оп. 1, д. 94, л. 12.

27. Там же, лл. 12-13.

28. Там же, л. 8.

сеть колеблется, чуть ли не ежемесячно”, в связи с чем нет никакой возможности установить, сколько же средств из местного бюджета тратится на просветительную работу среди нацмен.

13 апреля 1925 года Совнацмен Наркомпроса РСФСР принимает постановление по итогам доклада П. С. Шафрана “О состоянии дела просвещения национальных меньшинств в Воронежской губернии”. В нем было указано, что дело просвещения национальных меньшинств в Воронежской губернии находится в очень тяжелом положении, особенно политпросветработа среди украинского населения, а аппарат нацмен, как в ГубОНО, так и в УОНО совершенно отсутствует. Кроме того, отмечалось, что ГубОНО ведет работу по переводу школ на украинский язык преподавания хаотически и непланомерно.

В постановлении были намечены основные мероприятия, которые должны были исправить существующую ситуацию. Во-первых, не позже 1 августа Воронежский ГубОНО должен был сформировать нацменовский аппарат и выделить уполномоченных по просвещению нацменьшинств в Россошанском, Богучарском, Валуйском и Острогожском УОНО. Во-вторых, необходимо было разработать перспективный план на ближайшие 3 года по украинизации школ в губернии, а для этого следовало: а) провести учет учителей, которые смогли бы вести занятия в украинизированных школах; б) организовать летние курсы для переподготовки учителей-украинцев; в) провести разъяснительную кампанию о сущности национальной политики советской власти, как среди местного населения, так и среди учительства. В-третьих, во всех школах 2 ступени четырех южных уездов (Россошанском, Богучарском, Валуйском и Острогожском) предлагалось ввести преподавание украиноведения (украинский язык, литература и культура), начиная с 1925/26 учебного года. Для подготовки учителей, которые будут работать в украинизированных школах, следовало использовать Валуйский, Богучарский и Острогожский педтехникумы, введя на первое время в них украиноведение, как обязательный предмет, а затем организовав при них украинские отделения. Наконец, к началу нового учебного года ГубОНО должно было выделить необходимые суммы на снабжение украинских школ учебниками и учебными пособиями, а также поставить перед Губисполкомом вопрос о создании фонда для строительства и капитального ремонта просветительских учреждений нацменьшинств.²⁹

В июле 1925 года в Президиум Воронежского губисполкома поступило отношение из ГубОНО за подписями зам. зав. ГубОНО

---

29. Там же, лл. 22-24.

Никулькова и и.д. губуполномоченного по просвещению нацмен Мороза, в котором говорилось о том, что “школы, переведенные к преподаванию на украинском языке в одном году, безосновательно возвращаются к русскому языку на следующий год. Последствия такого грубого эксперимента отзываются, прежде всего, на самих детях”.³⁰

А между тем для выпускников школ 2 ступени Воронежской губернии ВУЗами Украины было предоставлено в 1924 году 12 мест для желающих обучаться в них, а в 1925 году – 20 мест. (В то время как в русские ВУЗы по разверстке, полученной из Наркомпроса РСФСР, для окончивших школы 2 ступени было предоставлено только 10 мест).

Что же касается возможности преподавания в украинских школах, то таковую имели пока лишь выпускники Богучарского педтехникума, так как здесь преподавалось украиноведение. В Валуйском и Острогожском педтехникумах преподавание украиноведения “по техническим причинам” не велось. Краткосрочные курсы для учителей-украинцев были впервые организованы в Воронеже летом 1924 года, переподготовку на них прошли 30 учителей. А летом 1925 года здесь уже были организованы 2-х месячные курсы по переподготовке учителей-украинцев всего Центрально-Черноземного региона, переподготовку на них прошли 67 учителей из Воронежской и Курской губерний.³¹

Если мы обратимся к положению дел в Курской губернии, то увидим, что здесь ситуация была значительно сложнее. В августе 1925 г. в губернии существовало только лишь 3 украинских школы 1 ступени, где обучалось, по одним данным, 250 учащихся, а по другим – 352 учащихся и работало 5 учителей.³² “Работе среди нацменьшинств уделяется очень мало внимания, то, что сделано до сих пор, можно назвать только началом, и следует отметить, что, если работа по украинизации школ и культпросвет учреждений будет протекать таким темпом, как до сих пор, то понадобится не менее 30-40 лет для полной украинизации школ и других учреждений”,³³ – сообщал в докладной записке “О положении национальных меньшинств в Курской губернии” в августе 1925 года тот же Моравский, который тогда же побывал с инспекцией и в Курской губернии.

---

30. Там же, ф. Р-1235, оп. 120, д. 36, л. 72.

31. Там же, лл. 75-76.

32. Там же, л. 262.

33. Там же, лл. 262-63.

Когда летом 1925 г. в ГубОНО узнали, что на предстоящий учебный год Голубятников, заведующий подотделом Губсовнацмена при Курском ГубОНО, планирует украинизировать 70 школ, один из сотрудников сказал ему: “Если б мы знали, что вы так будете работать, мы бы вас на работу в ГубОНО не приглашали”, “зачем же вы от нас школы отнимаете”.³⁴ Переводом 70 школ на украинский язык был напуган и председатель Курского губпросвета Веденский, который по-требовал от Голубятникова переработать свой план. “Если 70 много, то переведем 60 школ”, – ответил последний. На это Веденский сказал ему следующее: “Если ты опять говоришь 60 школ, тогда мы поставим вопрос о снятии тебя с должности заведующего подотделом губсовнацмена и будем просить, чтобы нам дали другого нацмена”.³⁵

Не получив ожидаемой поддержки со стороны Отдела национальностей ВЦИК и Совнацмена Наркомпроса РСФСР, Голубятников вынужден был в конце концов уволиться, а на должность нового заведующего Курским губсовнацменом был назначен покладистый и безинициативный товарищ Ревчук, вполне устраивавший Курский ГубОНО. На этой должности он спокойно работал в течение года до тех пор, пока в декабре 1926 года ставка заведующего подотделом губсовнацмена не была сокращена Курским ГубОНО.

Что же касается процесса украинизации государственных органов власти, то в этот период в Воронежской губернии не было еще ни одного сельского или волостного совета, где бы делопроизводство велось на украинском языке. “Несмотря на то, что в сельсоветах и ВИКах украинцы достаточно представлены, во всей губернии не имеется ни одного сельского и волостного совета с делопроизводством на украинском языке”,³⁶ – отмечал в своем докладе Моравский. Точно также и во всех народных судах губернии как делопроизводство, так и судопроизводство велось на русском языке, хотя, как считал тот же Моравский, в районах с компактным проживанием украинцев можно было бы открыть по 1 камере народного суда с делом – и судопроизводством на украинском языке, так как судебные работники, находясь в постоянном общении с украинским населением, усвоили разговорный украинский язык.

Аналогичная ситуация была и в соседней Курской губернии. Как следует из докладной записки того же Моравского, в Курской губернии к этому времени также не было ни одного сельского или волостного совета с делопроизводством на украинском языке, в

---

34. Там же, л. 266.

35. Там же, л. 267.

36. Там же, л. 66.

судебных органах дело – и судопроизводство велось на русском языке, и вопрос о выделении участков на суде на украинский язык до сих пор не поднимался.

Таким образом, первый этап украинизации (середина 1923-конец 1925 года) в губерниях Центрального Черноземья характеризуется следующими особенностями. Во-первых, в этот период еще отсутствовал полный контроль над процессом украинизации, в какой-то мере украинизация в этот период – это процесс снизу, который продолжает по инерции опираться во многом лишь на общественную поддержку селян, а не на государство. На местах процесс создания соответствующих государственных органов (уполномоченные по делам нацменьшинств при Губисполкомах и инспектора по просвещению нацменьшинств при ГубОНО) находился в начальной стадии. В связи с этим государственная политика украинизация во многом носила хаотический характер, отсутствовало директивное руководство этими процессами, постоянное государственное финансирование.

Во-вторых, особенностью данного этапа являлось то, что в этот период происходила только лишь украинизация начальной школы и в меньшей степени украинизация культпросветучреждений, связанных с ликвидацией неграмотности. На этом этапе отсутствовала целенаправленная деятельность государственных органов, направленная на украинизацию партийно-советского аппарата и административно-судебных органов, не было единства действий по линии культурно-просветительной работы и по линии советского строительства.

Наконец, в-третьих, на первом этапе украинизации в губерниях Центрального Черноземья создание украинских школ проходило в отрыве от других культурно-просветительных учреждений (изб-читален, пунктов ликвидации неграмотности, библиотек, красных уголков и т.д.). Со всей очевидностью здесь проявилась справедливость вывода о том, что вопрос о создании украинской школы является “новым и не всегда правильно понятым явлением революции”. Украинскую школу, как и в других регионах РСФСР, приходилось строить с нуля: отсутствовали украинские учителя и украинская учебно-методическая литература, не было помещений для размещения украинских школ, украинский язык в огромной массе местного украинского населения продолжал восприниматься как “мужицкий”, в отличие от “панского” русского, на котором пишут книги, составляют документы в учреждениях и т.д. Все это существенно замедляло темпы просветительской работы среди украинцев.

Работа по украинизации территорий РСФСР проводилась неравномерно, рывками, в соответствии с очередными директивами из Москвы. До середины 1928 года работа, связанная с украинизацией части населения Курской и Воронежской губерний, фактически стояла на месте: “Украинцы и белоруссы до сего времени (нужно прямо сказать) игнорировались в нашей работе. По целому ряду причин не велась работа среди них”, – говорилось в одном из выступлений на II-м Всероссийском совещании уполномоченных по работе среди нацменьшинств в июне 1928 года. – “Только за последнее время, благодаря нажиму со стороны Президиума ВЦИК, мы в ряде губерний имеем оживление этой работы (в Воронежской, в Курской губ., где украинское население составляет огромное количество – от 23 до 25%), при чем украинское население, которое живет по соседству с Украинской республикой, приобщено к той культуре, которая развивается на территории УССР, и, несмотря на это, работа среди населения поставлена чрезвычайно плохо”.³⁷ Со второй половины 1928 года (уже в рамках Центрально-Черноземной области) и вплоть до осени 1932 года курс на украинизацию партийно-государственного и административного аппарата, а также учреждений народного образования получает новый импульс. В итоге, к концу первой культурной пятилетки проблема украинизации учреждений народного образования в ЦЧО была в основном разрешена: “К концу первой пятилетки мы имеем коренизацию основных школьных учреждений; развернута сеть украинских педтехникумов, успешно осуществляется всеобщее начальное и семилетнее обучение”, – говорилось в директиве Центрально-Черноземного ОблОНО в середине 1932 года.

Однако дальнейшее развитие событий в ЦЧО привело к свертыванию украинизации уже в конце этого года, что стало следствием смены векторов в национальной политике сталинского руководства. Место коренизации во всех ее разнообразных региональных проявлениях (украинизации, белоруссизации, карелизации, татаризации, мордвинизации и т.п.) 1920-х годов заняли централизация, унификация и денационализация 1930-х годов. *Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова*

---

37. “Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетах, 1928”. Стенографический отчет (Москва: Изд-во ВЦИК, 1928), с. 50.

Унификация и денационализация 1930-х годов.

Государственный университет им. М. В. Ломоносова

